

Вячеслав Недошивин
АДРЕСА ЛЮБВИ

МОСКВА, ПЕТЕРБУРГ, ПАРИЖ

Дома и домочадцы русской литературы

Издательство АСТ
Москва

Елене, дочери

Предисловие

«За мной, читатель! — позвал нас за год до смерти великий Булгаков. — Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? За мной, и я покажу тебе такую любовь!..» Позвал и — умер, так и не узнав, что еще через год его верная «любовь» будет с другим, потом — с третьим мужчиной.

Кто-то скажет, это — жизнь. Кто-то сошлется на разность любви у мужчин и женщин, ведь говорила же Цветаева, что «женщины играют во всё, кроме любви, а мужчины — наоборот»; кто-то вообще пожмет плечами: любви нет, сказано же наукой, что она — лишь феромоны, игра гормонов. А кто-то, вчитываясь в книги великих, будет сам искать ответы, может, на главные вопросы: что есть жизнь, что есть любовь и смерть? И — почему именно поэты и писатели видят в них то, что неведомо, недопонято нами, простыми людьми?

Эта книга — о необычной любви, о том, как ее проживали самые талантливые и даже гениальные люди. Книга о жизни тех, кто сначала выстрадал, а затем и выразил в слове свои необычные чувства о самом, порой, «запретном» меж людьми, о том, о чем, по выражению поэта, и «говорить нельзя». О любви в жизни Зинаиды Гиппиус и Цветаевой, Брюсова и Блока, Ахматовой и Мандельштама, Хлебникова и Пастернака, Тютчева и Куприна, Бальмонта и Булгакова.

Очерки, эссе, новеллы о них Вячеслава Недошивина на протяжении трех последних лет публиковались в журнале “*STORY*”, чьим девизом являются слова: «Обыкновенные судьбы необыкновенных людей». Теперь, собранные под одной обложкой, эти рассказы-версии — перед вами. И ныне уже автор их, как и Булгаков, может подстегнуть вас великим кличем его: «За мной, читатель!» И за классиком вслед — добавить: «Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви?..»

Как непрочтенные тома
В пронумерованном порядке,
Стоят на улице дома
И ждут прочтения и разгадки...

Вадим Шефнер

Многие поступки великих людей удивляют
и возмущают нас, но биограф не имеет права
отмахнуться от них: ему приходится брать героя,
каким его рисуют документы и свидетельства
современников, и такое изображение оказывается
хорошим уроком человечеству.

Андре Моруа

Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) — поэт, писатель, гусар, генерал-лейтенант, партизан Отечественной войны 1812 года. Давыдов, друг Пушкина и декабристов, остался в истории русской литературы не только как автор военно-исторических работ и теоретических трудов о партизанской войне, но — главное! — как редкого таланта лирик, создавший новый тип героя — воина-патриота, человека деятельного, свободолюбивого, открытого.

«ЧЕРНЫЙ КАПИТАН»,

— или —

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДЕНИСА ДАВИДОВА

Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов — всё раб молодой привычки.
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех —
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной затяжки!..

Денис Давыдов

ЖРЕБИЙ БЫЛ БРОШЕН. Лошади — любовь Дениса, — в седлах которых он сидел с пяти лет, с которыми за полвека провел больше дней, чем с самыми дорогими ему женщинами, чем с женой и детьми, друзьями и поэтами, — так вот, лошади на этот раз не спасли его. Он, якобинец и фрондер, франт и повеса, забияка и бретер, умрет отрезанным, запертым от мира, окруженным в глухом селе не французами, шведами или турками — паводком, непролазной грязью, непроезжими дорогами, непересекаемыми реками, всеми теми «не», которые еще вчера легко преодолевал и в России, и на Кавказе, и в разоренной Наполеоном Европе.

Пятьдесят пять лет. Умер от инсульта. Это случилось на рассвете в сызранском сельце. В Верхней Мазе — имении своей жены. Как умер — неизвестно. Видимо, можно было спасти. Но жена Давыдова, мать его шестерых сыновей, сначала поспешила гнать лошадей двадцать пять верст в распутицу за врачом, а потом, когда поэт умер, полтора месяца не давала их — берегла! — отвезти его уже в Москву на Новодевичье, к родовым могилам. Такие вот дела!..

Впрочем, он, чьим девизом была фраза Вольтера «Моя жизнь — сражение», и после смерти выиграл последний бой: постоит за Багратиона — за командира, генерала, героя 1812 года. История мистическая, почти детектив, я еще расскажу о ней. И, может, мы поймем тогда, почему его, корнета, потом поручика, штаб-ротмистра, полковника, генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта, называли всего лишь капитаном. «Черным Капитаном»...

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Это имя — «Черный Капитан» — одна из загадок его. Что это? Такого звания не было у гусар. Капитанов вообще не было в русской кавалерии. И почему — «черный»? Страшный? Таинственный? Или — промышлявший ночью, под покровом темноты? Ответ на этот вопрос знают ныне единицы даже среди исследователей. Это я проверял! И — убедился, в который раз уже: мы мало знаем поэта — не школьного, не хрестоматийного. И мало знаем о времени его — веселой эпохе серебряных шпор, звона ледяных бокалов, дымящихся чубуков, грохота старых, почти игрушечных пушек и шепота флирта и с прекрасными тихонями, и со стихийными бунтарками света... Того уже света! Но ночь и впрямь всю жизнь была для Давыдова временем действия — не сна.

Именно глухой осенней ночью 1806 года в центре Петербурга, на углу Невского и нынешней улицы Восстания, едва не случилось, как сказали бы теперь, — «громкое» убийство. Не дуэль, не перестрелка. Просто наутро столица Российской империи наполнилась слухами: то ли какой-то поручик лейб-гвардии гусарского полка застрелил фельдмаршала русской армии графа Каменского, то ли Каменский, только что назначенный командовать армией против Наполеона, пристрелил в темном коридоре гостиницы «Северная» какого-то молодого человека. Шептались: поручику двадцать два года, он был исключен из кавалергардов за стихи, был сослан в провинциальный полк, потом, по милости государя, вернулся в Петербург, вновь был взят в гвардию и... надо же, опять попал в историю. Слухи были и правдой, и — неправдой. Поручику и впрямь было двадцать два, и он — это точно! —

был известен как дерзкий поэт, написавший несколько безумных стихов, в том числе — и в адрес царя. Но всё остальное тут — нет, извините.

Из воспоминаний Дениса Давыдова: *«Отчаяние решило меня: 16-го ноября, в четвертом часу пополуночи, я надел мундир, сел в дрожки и приехал прямо к фельдмаршалу... Всё спало на дворе и в гостинице. Нумер 9-й, к которому вела крутая, тесная и едва освещенная лестница, находился в третьем этаже. У входа... маленький коридор, в коем теплился фонарь... Я завернулся в шинель и прислонился к стене в ожидании... Слышу, отворяется дверь, и маленький старичок, свежий и бодрый, является... в халате, с повязанною белой тряпицею головою и с незажженным в руке огарком. Это был фельдмаршал... Он озабоченно, хотя и бодро зашаркал в сторону отхожего места. Увидя меня... остановился. “Кто вы таковы? — спросил он. — Что вам надо?” Я объявил желание мое служить на войне. Он вспыхнул, начал ходить скорыми шагами взад и вперед... и почти в исступлении говорить: “Да что это за мученье! Всякий молокосос лезет проситься в армию! Замучили меня просьбами. Да кто вы таковы? Какой Давыдов?..” — “Сын Василия Денисовича... Полтавским легкоконным командовал”. — “Знавал твоего отца, — смягчился Каменский, — да и деда помню...”»*

Фельдмаршал Каменский вообще-то был крут. Он, например, только что приказал высечь арапником публично собственного сына, дослужившегося до полковника. Ужас! Да и Наполеона грозил привезти в клетке — «ровно Емельку Пугачева». Но к Давыдову, исстрадавшемуся, что в дальнем гарнизоне он уже пропустил половину войны, отнесся почему-то более чем хорошо. «Право, — сказал мальчишке-поручику, — я думал, ты хочешь застрелить меня». Денис начал было извиняться, но граф перебил: «Напротив, это приятно, это я люблю, это значит ревность... горячая; тут душа, тут сердце...» И хоть фельдмаршал помочь ему не смог («По лицу государя, — признался потом Денису, — я увидел невозможность выпросить тебя туда, где тебе быть хотелось»), упрямый поручик всё равно окажется на фронте. Причем станет адъютантом самого Багратиона. Как? —

спросите. Да времена были такие. И то, что порой не под силу было фельдмаршалам, легко достигалось хорошенькими женщинами. Давыдову поможет попасть на фронт «княгиня-полячка», черноокая Аспазия, как звали ее в свете, всесильная фаворитка Александра I, а в миру — премиленькая двадцативосьмилетняя Маша Нарышкина, сестра друга Дениса, тоже гусара и к тому же князя — Бориса Четвертинского.

Она жила в доме, который и ныне стоит на Фонтанке (**С.-Петербург, наб. Фонтанки, 21**). Дом — это, конечно, слабо сказано. Дворец (где с утра до вечера толпились вельможи, послы, генералы), принадлежавший мужу Аспазии, обер-егермейстеру Нарышкину. «Храмом красоты» назовет его будущий тайный советник Филипп Вигель. Тот Вигель, который оставит нам «Записки» и который, кажется, не столько за архитектуру назвал этот дом «храмом», сколько из-за преклонения перед прелестью Маши Нарышкиной. В «Записках» выведет: «Разиня рот, стоял я... и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною... В Петербурге, тогда изобиловавшем красавицами, она была гораздо лучше всех...» Так вот, эта Маша, которая через год родит царю дочь, сама, и не раз, разливала чай юному Денису; тот запросто заваливался в ее дворец с другом-гусаром. А узнав о ночном переполохе, о визите его к фельдмаршалу, шепнула ему, как бы укоряя: «Вы бы меня, меня избрали вашим адвокатом». И через несколько дней, когда он, уже при декабрьских свечах, обедал здесь, вдруг громко сказала брату, что тот едет на фронт. Четвертинский, кивнув на Давыдова, спросил сестру: «А он?» «Нет, — сникла Маша, — опять отказ...» Но, заметив, как побледнел Денис, крикнула: «Я хотела пошутить... Вы едете!»

Вот это был подарок к новому, 1807 году! Правда, узнав, что служить будет адъютантом Багратиона — предел мечтаний! — Денис, напротив, сник. Он ведь недавно в сатире «Сон» высмеял длинный багратионовский нос. Более того, знал — стихи эти известны генералу. Позже, на фронте, тот при Давыдове расскажет о них Ермолову, и наш пиит, оправдываясь, улыбнется: «При всех свидетельствую, что затронул столь известную часть вашего лица единственно из зависти, поскольку сам оной части почти не имею». И укажет на свой нос — пуговкой. Все посмеются. А через несколько дней, когда Денис прискачет к Багратиону со спешным

донесением и, запыхавшись, крикнет: «Главкомандующий приказал доложить, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить!» — Багратион невозмутимо заметит: «На чьем носу неприятель? Ежели на вашем, так близко; а коли на моем, так мы успеем отобедать еще...» Эта шутка станет известна всей армии, а потом и вовсе превратится в анекдот; ее даже Пушкин внесет в свои «Застольные беседы»...

Впрочем, это будет еще. А тогда из дворца Нарышкиных Денис кинется к дому Гагарина, где жил Багратион (**С.-Петербург, Дворцовая наб., 10**). «Когда я приехал, — пишет, — кибитка была уже подвезена к его крыльцу...» Вот с этого дня он и будет пять лет при Багратионе, «близ стремя блистательного полководца». А с первого боя будет при нем в роскошной бурке, подаренной князем «с плеча». Вообще-то — с дурацкой драки, едва не ставшей для него последней. Его спасла трофейная лошадь, которую денщик его звал «хранцуженка», и — оловянная пуговица, плохо пришитая пуговица на шинели.

Из воспоминаний Дениса Давыдова: *«Я выпросился... в первую цепь, будто бы для наблюдения за движением неприятеля, но, собственно, для того, чтобы погарцевать на коне, пострелять из пистолетов, помахать саблей и — если представится случай — порубиться». Схватки не намечалось, лишь в отдалении приплясывал на коне какой-то француз. «Мне... захотелось... его... взять в плен. Я стал уговаривать казаков; но они только что не смеялись... Я как бешеный толкнул лошадь вперед, подскочил к офицеру довольно близко и выстрелил...» Француз выстрелом ответил, его товарищи стали палить из карабинов. «То были первые пули, которые просвистали мимо моих ушей... Твердо уверенный в удалстве моего коня и притом увлеченный вдруг злобой — бог знает за что! — на человека мне неизвестного... я подвинулся к нему ближе, замахал саблей и принялся ругать его на французском... Приглашал его... сразиться. Он... предлагал то же; но оба мы оставались на местах... В это... время подскочил ко мне казачий урядник и сказал: “Что вы ругаетесь!.. Грех! Сражение — святое дело”».*